

Для реформы языка не хватает революционных матросов

Лингвист Максим Кронгауз - о том, куда движется русский язык и что с этим делать.

Русский язык – это, пожалуй, третья вещь после гигантской территории и ядерного оружия, что – почти против воли государства и при полной апатии народа – удерживает Россию в ряду «перворазрядных», имперских стран. На русском до сих пор неплохо говорят во многих странах мира, некогда входивших в орбиту СССР – а уж понимают его даже там, где хотели бы поскорее забыть. И – что немаловажно – русский язык с его великой литературной классикой можно назвать последней гордостью страны, где даже вокруг Победы 1945 года уже вовсю идут деконструирующие национальный миф споры.

Менее известно, но не менее любопытно, что русский язык пользуется неожиданной популярностью в некоторых европейских странах. Например, во Франции это один из наиболее престижных вариантов «второго» иностранного, русский учат там в старинных и престижных учебных заведениях. Причина этому – не столько желание общаться с современными обитателями РФ, сколько сложность и красота грамматической конструкции русского языка, а также наша литературная традиция.

В последнее время, однако, слишком многие происходящие в русском языке процессы откровенно пугают. Упрощение грамматики и обеднение массовой лексики, пережитое в 1990-е годы обилие заимствований – всё это заставляет иногда думать о грядущих необратимых изменениях.

Что происходит? Не потеряем ли мы наш язык в ближайшие десятилетия как литературный? Как нам жить со всеми изменениями, происходящими в русском языке? Об этом обозреватель «СП» поговорил с профессором Максимом Кронгаузом, директором Института лингвистики РГГУ:

- То, как язык меняется в последнее время – это эволюция или деградация?

- Если говорить профессионально, то это и не эволюция, и не деградация – просто изменения без знака оценки. Более того, это необходимые изменения для того, чтобы язык мог сохраняться как средство общения в меняющемся мире. Потому что если язык не меняется, мы не можем на нем обсуждать новую реальность.

Мы видим, скажем, как язык эмигрантов, который многие считают более чистым, более красивым – не способен использоваться таким образом.

- Речь идет о языке эмигрантов первой волны, таких, как Набоков – или об условной «Брайтон-бич»?

- Грубо говоря, есть два типа языка эмигрантов: есть такой язык эмигрантов первой волны, он очень консервативный, почти не поддавался влиянию окружающей среды. Там культура языка сохраняется в чистом виде. И есть язык, условно говоря, других волн – активно вступающий в отношения с окружающей средой, с языком, который доминирует в данной местности - с английским языком в Америке, с ивритом в Израиле, с немецким и так далее. Возникают смешанные языки, которые чистыми никак не назовешь. Но они тоже обслуживают свою группу людей.

- Наверное, чистота языка зависит от мотивации? Например, русские эмигранты первой волны хотели сохранить свою культуру, а более поздние поколения желали ассимилироваться?

- Думаю, не совсем так. Потому что тот же Брайтон-бич – тоже своего рода островок Одессы или какого-то другого нашего города. Это зависит, кажется, не от сознательных вещей, а от первоначальной встроенности людей в свою культуру, в свой язык. Степень образованности сообщества. В этом смысле эмигранты первой волны, конечно, сознательно хотели сохранить свою культуру – но главное, что они эту культуру имели! Владели в полной мере и русским языком.

Но даже если мы берем их, сохранивших в несколько законсервированном виде, язык – точнее, сейчас уже их

детей и внуков – то понятно, что этот язык сегодня для нашей реальности не годится.

Есть важное общее правило: язык метрополии меняется быстрее, чем язык диаспор. Поэтому, если мы берем любую эмиграцию, там язык более консервативный – если не считать влияния на него соседних языков.

- А что произошло в России? Ведь на смену законсервированной норме советских времен пришел хаос. Было ли стабильное состояние русского языка в СССР искусственным?

- Я бы так не сказал. Одно из нормальных состояний языка – это состояние строгой нормы, строгой кодификации. Такое состояние было характерно не исключительно для Советского Союза и даже не для тоталитарных государств как класса – оно характерно для любого стабильного общества. Язык в таком обществе выполняет, кроме всего прочего, еще и функцию иерархизации, стратификации. Он дает преимущество тем, кто овладел языком, в смысле позиции в иерархии. В Англии и других стабильных обществах карьеру сделать легче, если ты владеешь языком в совершенстве. Причем престижным вариантом этого языка. А иногда без такого престижного языка сделать карьеру и вовсе невозможно. Язык, таким образом, стабилен и выполняет определенные социальные функции.

В нестабильном обществе – после социального взрыва, который мы пережили в конце 80-х и начале 90-х – во-первых, исчезает престиж литературного языка. Вместе с тем, начинают расшатываться все кодифицированные нормы. В результате становится неважно, как человек говорит – на разговорном или на литературном языке. Всё перемешивается, рушатся перегородки – между литературным и нелитературным языком, между разными жаргонами, которые раньше не проникали в речь образованных людей – или проникали, но как специальный показатель, маркер.

Об этом виде языковой игры во времена стабильного языка надо сказать особо. Скажем, в советское время в речи интеллигенции встречались разного рода лагерные словечки. Они были четко выделены, и, в частности, могли означать, что говорящий сидел в лагерях...

- Или ассоциирует себя с сидельцами?

- Да. Такие вещи могли употребляться с разной целью. Один из самых ярких примеров – это тексты Галича, где происходит смесь обычного, обыденного языка, фрагментов лагерного языка, бюрократической речи. И на этом строится литературная игра. А после того, как перегородки разрушены, возникает этакая каша, всё перемешивается.

И вот одна из важных особенностей современных молодых людей – это то, что они не слышат эту разницу между регистрами. Не ощущают ее.

- И причина этого – недостаток начитанности?

- Нет, это, скорее, результат того, что произошло в языке. Сегодня можно без всякой игры употребить исходно «постороннее» слово в обычной речи...

- Но ведь языковая игра как таковая осталась!

- Конечно, языковая игра в целом не совсем ушла, она живет. Но то, что было характерно для советского андеграунда – игра на смешении, но не сращении стилей, на их переключке – бюрократизма со сниженным языком, например – эта игра ушла.

А чтения хороших книг недостаточно, конечно. Хорошие книжки дают один регистр – литературный. Если в них и есть игра, то эта игра фрагментарная. Автор употребил хорошее словцо. Мы видим саму игру. Но чтобы не просто воспринимать языковую игру, но и играть в нее самому, нужно владеть этими регистрами, разновидностями.

- Какими регистрами мог играть образованный советский человек?

- Если мы берем советский период, то очевидно, что мы, граждане СССР, владели разными регистрами языка. Образованные люди, безусловно, владели литературным языком, и это бралось из книжек, из речи родителей. Мы владели советским языком – это более широкое явление, чем канцелярит, потому что это и газетные передовицы, и выступления на собраниях (парт-, проф- и других).

И переключения между этими регистрами иногда происходили очень интересно. Вот есть рассказ советского писателя Яшина про крестьян, которые собираются в избе и разговаривают о своих проблемах своим –

нормальным – языком. Это, конечно, не городской язык интеллигенции, но это нормальный язык. И вдруг происходит переключение регистров, и они начинают говорить совершенно суконным советским языком. И, в общем, все граждане Советского Союза этим суконным языком владели.

И, наконец, все владели сниженным языком. Единым он был или нет – это другой вопрос, но каждый понимал, что такое речь улицы. А кто-то понимал и что такое речь лагеря. Так что, конечно, образованный человек владел не только литературным языком, но и некоторыми другими регистрами.

Сейчас перегородки внутри языка разрушились, и произошло смешение. Если послушать речь публичных людей, политиков – то там речь не о регистрах, это совершенная каша, свалка, эклектика (употребляю эти слова безоценочно). Смесь разных стилей. В речи одного и того же человека можно услышать: нейтральный стиль, литературный, потом вдруг резкое снижение, потом жаргон – и так далее.

Главное, сам говорящий очень часто не чувствует это. Иногда, конечно, чувствует: например, знаменитые «путинизмы» - это специальное резкое снижение. Это игра. Но очень часто говорящий ничего не чувствует – он совершенно легко сталкивает какой-нибудь архаизм и жаргонизм. Поэтому вот этих стилистических «загончиков», которых раньше было довольно много, сейчас почти не осталось.

Исчезла структура, исчезла иерархия подъязыков.

- Может ли она нарасти заново, эта структура, если вновь наступят стабильные времена?

- Конечно. Со временем образуются разного рода языки сообществ. Даже сейчас в языке действуют как центроостремительные – то есть смешивающие, так и центробежные силы – то есть возникновение новых подъязыков. В частности, возникают различные формы языка интернета...

- Таких языков даже много – один язык для «Фейсбука», другой для ЖЖ...

- Ну, можно здесь обобщить: разговорные жанры. Далее, возродился канцелярит, появился язык гламура...

Но сейчас происходят любопытный процесс. Процесс поиска языка – это видно и по политикам, которые мечутся от возвращения к советскому языку до сниженного языка, отчасти копируя путинскую манеру. И писатели думают об этом – вот, скажем, скандал с присуждением «Русского Букера» роману Колядиной связан именно с попыткой поиска языка. Новой нормы.

- Вы думаете, это был сознательный поиск?

- Со стороны писателя - совершенно сознательный. Этот язык, конечно, не соответствует русскому языку того времени, это современная - не слишком грамотная - стилизация. Писатель сконструировал новый язык, просто критики его, в большинстве своем, отвергли. Более удачны, возможно, поиски пермяка Алексея Иванова – в «Сердце Пармы», «Золото бунта» он сконструировал новый язык. Да, очень неплохо. Он создал свой мир, новую реальность.

- Читая большинство интернет-текстов и даже некоторые газетные заметки, иногда понимаешь: мы потеряли нашу письменную речь. На ваш взгляд, это правда?

- Это сложный вопрос. Если говорить о письменной речи в том виде, в каком она была – то да, конечно. Но вообще-то – сегодня у нас гораздо более письменная цивилизация, чем в советский период. Причем благодаря интернету, а не социальным потрясениям.

- Я говорю о том, что письменные тексты теперь пишутся как разговорная речь – без четкой структуры, без периодов, почти без риторики... Почему люди разучились создавать правильные письменные тексты?

- А им не нужно писать такие тексты. В интернете не нужны правильные тексты, там за неправильные никто не будет критиковать!

Вопрос – что называть культурой. Культура написания грамотно выстроенных письменных текстов, конечно, потеряна. Но сегодня эпоха письменная, без сомнения. Мы часто заменяем устные сообщения письменными. Часто мне даже странно, как два человека сидят в соседних комнатах и переписываются по мессенджеру или SMS, вместо того, чтобы подойти и поговорить. Я часто замечаю, что моим молодым коллегам проще написать письмо мне, чем позвонить и решить какой-то вопрос сразу. Возникает вместо разговора несколько письменных реплик.

Итак, нас окружает море письменной речи. Но функционально она как устная, это просто такой разговор.

- Но теперь и газетные статьи, и художественная проза всё чаще пишутся именно как запись в блоге...

- Согласен. Так и есть: это возникает новая культура. Письменная речь занимает те коммуникативные ниши, в которых когда-то находилась устная речь. Соответственно, она меняется, потому что она должна быть быстрее. Учтем еще, что иногда тексты должны вписываться в ограниченные объемы. И это нормальный процесс, нормальное изменение.

- И всё же это не отвечает на вопрос: почему изменились стандарты написания традиционных текстов? Ведь никто не заставлял их забывать на фоне «письменного разговора»...

- Потому что таких, разговорных-письменных текстов, о которых мы сейчас говорим, стало очень много. В основном, мы сейчас пишем именно так. И понятно, что такое положение дел неизбежно влияет на традиционно письменные жанры.

- Наступит ли время, когда, скажем, Лермонтова будет так же трудно читать, как сейчас средневековую литературу?

- Наверное, будет и такое время. Но ведь и Шекспир в оригинале уже не всем понятен.

- Тем не менее, его зубрят во всех школах на уроках английского!

- Именно что зубрят. Вот что лучше – читать «Слово о полку Игореве» в подлиннике или в переводе Заболоцкого или кого-то еще?

Конечно, старая культура уходит. Это неизбежный процесс. Плохо это? Ну, в каком-то смысле, плохо. Болезненно это для носителей этой культуры? Безусловно, болезненно. Тем более, что уходят не какие-то древние тексты, а очень близкое, недавнее.

- Потому что изменился способ коммуникации?

- Да, безусловно. Это усугубляет традиционный разрыв поколений. Ну да, это нормальный процесс, если мы говорим о смене систем коммуникации.

Можно представить себе чудаковатого профессора 60 лет, который не хочет подчиняться этому процессу и продолжает писать длинные SMS-ки. При этом человек должен быть включен в современную коммуникацию, это важно. Но сохраняет свой язык. Но будет он выглядеть странновато, и ему будет сложно. Такое было и раньше – была, например, во 2-й московской школе традиция обращаться друг к другу «господин», а не «товарищ»... Это некоторый способ противостояния мира, и тут язык выступает инструментом.

- Сейчас раздаются апокалиптические прогнозы – мол, в ближайшие десятилетия русский язык может исчезнуть...

- Этот вопрос всегда задается, но пока он абсурден: для исчезновения русского языка нет никаких предпосылок. Русский язык находится в гораздо более благополучном состоянии, чем многие европейские языки. Сербский, норвежский и другие. У большого языка есть на что опираться. Русский язык, с одной стороны, опирается на великую русскую литературу, а с другой стороны, на огромную массу неграмотных людей, которые никогда не выучат иностранного языка. Если в Норвегии население, по большей части – билингвы, то в некоторых ситуациях там норвежский уже не используется в принципе. Зачем, скажем, исследователь будет писать по-норвежски? Его же никто в мире не прочтет. Сразу будет писать по-английски. Русский язык пока используется во всех сферах. Иногда, конечно, его поджимают.

- Например, многие физики и биологи сразу пишут статьи по-английски!

- В естественных науках, да, поджимают. Но в гуманитарных науках никто пока что не перестает писать по-русски. А физики уже некоторые перестают писать. А в остальном русский абсолютно благополучен – задействован во всех коммуникативных сферах.

- Может ли он упроститься и стать примитивным? Иными словами, деградировать?

- Что значит – упроститься? Если мы стали писать короткими «SMS-ками», то – и что? Мы с вами разговариваем вот так, в чем тут упрощение?

- Ну, например, уходят сложные предложения, причастные обороты...

- Это возможно. Есть некоторое языковое давление. Оно, кстати, теперь осуществляется более изысканными методами, чем раньше. То есть раньше мне нужно было, чтобы проверить написание, брать словарь или грамматику, а сейчас на меня давят такие скрытые факторы – программа спелчекера, поисковые машины.

Но факт этого давления еще не означает обеднения лексики. Нет. Появилось много лексики! Кто-то говорит о падении грамотности – так и его нет, неграмотность была всегда! Другое дело, что пишут все, а потому неграмотность очень заметна. Мы видим какой-нибудь неграмотный текст и возмущаемся – а ведь раньше этот человек просто бы не писал!

Конечно, можно сожалеть – и я сожалею – что ушла из жизни, скажем, газета. То есть это был такой вот образ мужчины, читающего газеты, пьющего кофе. Конечно, обидно, что такой образ ушел. Но я уже сам газет не читаю, новости добываю из Сети. Обидно ли, что уходит культура? Да, обидно! Можно ли ее удержать? Думаю, что нет.

- А как обстоит сейчас дело с иностранными языками? Вызовы, которые перед ними стоят – они те же самые, что и у русского языка?

- Тенденции везде примерно одни и те же. Сегодня вызовы общие для всех крупных языков, кроме одного – английского. Там свои вызовы, и тоже довольно сложные. Самый влиятельный язык в мире упрощается. Этот Global English куда примитивнее литературного английского. И переход на новую коммуникационную среду – он для английского не менее травматичен.

А для всех остальных языков к коммуникативному переходу, к интернету добавляется еще и пресс английского.

- Видны ли в России какие-то скоординированные усилия, направленные на изменение ситуации?

- Централизованные попытки сделать что-то с языком делаются; к счастью, они неудачные.

- В области бюрократического языка?

- Да, там тоже делаются попытки – иногда на уровне общей идеи, иногда на уровне отдельных выражений. Например, сколько обсуждали «суверенную демократию»... Это ведь такой лингвистически-политический ход.

- А стоит ли, на ваш взгляд, профессионалу-лингвисту пытаться вмешиваться в ситуацию, «строить» язык?

- Вопрос, я бы даже сказал, коварный. Если говорить о конкретном человеке, то лично мне интересно наблюдать, а не строить.

- А в целом? Реально ли вообще заниматься языковым строительством, или это бесполезно?

- В истории человечества мы видели столько попыток вмешательства в язык со стороны власти, со стороны общественных движений, со стороны отдельных людей – что можем как-то обобщить этот опыт. В XX веке примеров этому было достаточно.

Мы видим, что очень много попыток были – с одной стороны, успешны, потому что удавалось изменить язык. Но как только давление на язык ослабевало, язык отторгал большинство навязанных нововведений. Одним из самых простых примеров можно считать то, как сменившаяся власть меняет обращения к человеку. Это было испробовано и во Французской революции, это повторили и большевики. Когда возник соцлагерь, там тоже появились обращения (немецкое Genosse, да и само слово «товарищ» проникало во многие языки). Но как только рухнул социализм как система, всё это из языков ушло.

- Но ведь и прежние «судары» - не вернулись!

- Конечно, язык не обязан возвращаться к «дореформенному» состоянию. Но наносные вещи он отторгает. А какие-то вещи и укореняются. «Товарищ» оказалось удачным нововведением, и это слово могло бы жить – хотя я знал в советские времена людей, которые и тогда к нему относились плохо.

Кстати, я считаю, что слово «товарищ» интересно во многих отношениях. Я часто говорю, что это первая в языках мира гендерная революция. Это сейчас феминизм победил в некоторых языках, особенно в

английском и немецком. Но первым было именно обращение «товарищ», которое ликвидировало гендерные различия в обращениях. Это был очень интересный эксперимент.

Но – и это слово уступило эволюции.

- А такие меры, как издание Свода русской орфографии в 1956 году, закрепившего норму на много десятилетия – они оправданы или это насилие над языком?

- Свод правил, принятый в 1956 году – совершенно нормальная для того времени вещь. Стабильное государство, рассчитанное на века, даже на вечность – оно, разумеется, хочет всё сделать стабильным.

В стабильном обществе, наоборот, невозможно проводить реформу орфографии. Потому что всё общество – по крайней мере, образованные люди – будет категорически против. А большевикам в 1918 году это удалось, потому что нестабильность после 1917 года была настолько велика, что языковые реформы прошли почти незамеченными.

- Как и с заменой календаря, кстати!

- Конечно. Да, в момент социальных взрывов, переломов возможны и культурные преобразования. Они не так болезненны.

- Интересно: если бы нынешние власти и лингвисты провели такую же большую работу и честно внедрились бы новую кодификацию, как это сделали в 1956 году – это бы сработало?

- Опять сложный вопрос. Сложность в том, что некоторые действия нужно делать в подходящее для них время. Приведу пример из другой области: представьте себе, что в 90-е годы вы начинаете писать энциклопедию. Это ведь совершенно неподходящее для этого жанра время! Она устаревает. А энциклопедии нужно писать в стабильный период, когда за те 5 – 10 лет, что она будет выходить, ничего не поменялось.

Так же и с кодификацией. Можно, конечно, сейчас начать проводить кодификацию. Собственно, и опыты были – с тем же «парашутом». Но реформаторы столкнулись с серьезным сопротивлением

- У них, грубо говоря, не было революционных матросов за спиной?

- Именно так! Почему реформа 1918 года легко прошла? потому что ходили по типографиям матросы и изымали литеры. А сейчас это делать некому. Так что сейчас это, конечно, неудачное время.

Но в последние годы возросла тяга к кодификации, к норме. Вот эта идея, что надо «правильно», она сейчас очень усилилась. Вполне может быть, что через 5 – 10 лет общество созреет, и тогда лингвисты просто обязаны будут выполнять этот заказ. Кодифицировать. Уже сейчас я принимаю участие в некоторых дискуссиях, и там постоянно звучит – «а все-таки хорошо бы, чтобы была определенная норма». Запросы эти есть.

И здесь возникает очень странная ситуация. С одной стороны, лингвистов подталкивают к тому, чтобы они дали оценку: правильно именно А, а не В. А с другой стороны, его не очень слушают, когда он говорит, что правильно А. Говорят: а В все равно будет наравне с А.

В целом, общество должно до этого дозреть не только на уровне идеи, но и на уровне выполнения. Сегодня общество хочет, чтобы ему сказали – «как надо», но не готово выполнять эти указания.

Мы живем в довольно смутное время. Кто-то ждет революции, кто-то стабилизации. Речь даже не о политическом, а о социальном климате. Ждет нас стабильность или взрывы, перемены. Сейчас, конечно, заниматься кодификацией – безумие: мы не понимаем, как интенсивно будет меняться жизнь дальше.

- Сейчас много обсуждают школьную реформу – в частности, уроки литературы и русского. Могут ли эти уроки, по-вашему, повлиять на ситуацию с языком, и в какую сторону?

- Вообще, это болезненная тема. Мои друзья, знакомые восприняли попытки реформ образования в штыки и говорят, что надо вернуться к сочинениям, увеличить количество часов на литературу. Но увеличить-то можно – а не будет ли это профанацией?

Я вспоминаю свою учебу безо всякой ностальгии. И самым нелюбимым для меня предметом в школе – ну, одним из самых нелюбимых – был именно русский язык. Скучайшее натаскивание на грамотность,

бесконечные правила, которые никому не нужны. Неинтересный, нетворческий предмет.

И вот нужно ли на такой предмет увеличивать часы? С одной стороны, вроде бы хорошо, чтобы все писали грамотно. Но это не тот предмет, которым можно кого-то увлечь. Поэтому мне кажется, что у защитников традиции есть некий романтизм в восприятии того, что было. Школа должна меняться – пусть медленнее, чем общество, но все равно. Просто увеличив часы на русский и литературу, мы не добьемся, чтобы ученики читали Толстого и Достоевского.

- А если язык будет снова напрямую связан с социальным статусом - это поможет массовому овладению литературным языком?

- Конечно. Если будет престижно читать Льва Толстого, если будет престижно говорить грамотно, то да. Опять-таки, некоторые робкие движения в эту сторону существуют. Даже самые прагматические фирмы проводят тренинги по русскому языку, по коммуникациям. Значит, это кому-то нужно. Но просто сказать – давайте вернемся – нельзя, это будет абсолютной профанацией.

- Почему?

- Опять-таки, это мое личное мнение. Я помню по себе, что те произведения классической литературы, которые я успевал прочесть до обсуждения в школе, я очень люблю. А те, что я не успевал прочесть и попадал на традиционное школьное обсуждение – «образ», «тема» - остались надолго непонятыми и нелюбимыми.

Тут вопрос – на кого мы рассчитываем это увеличение часов? На тех, кому школа не очень нужна, кто учит это в семье и читает сам? Это им не особенно нужно. Или мы рассчитываем на тех, кто книжки ненавидит? Или на какую-то середину? Люди слишком разные, и когда мы говорим, что нужно всем увеличить количество литературы – это получается странно.

Я же помню, какой профанацией были сочинения. Абсолютно стереотипные работы нужно было писать, стандартным языком, не выдавая своей индивидуальности, иначе за нее может попасть.

- Многие ностальгируют не столько по сочинениям, сколько по штудируемым «эталонным текстам», вроде огромного учившегося наизусть отрывка о Ваньке Жукове...

- Да, это общекультурная вещь, которую мы тоже потеряли. Общие фоновые знания. Сейчас очень трудно даже в компании собравшихся найти общеинтересные книжки. Нету общего. Раньше мы понимали, что есть какое-то количество произведений, которые читали все. Вместе с общими книгами исчезло и «перебрасывание цитатами». Сейчас нет такого автора, которого бы все обсуждали.

- Стоит ли строить эту систему заново?

- Боюсь, что такую задачу решить невозможно. Должен быть какой-то запрос. Мы всё хотим что-то навязать обществу – а ведь оно обычно созревает само.

- Но ведь изучали же в гимназиях огромные тексты, а в древности и вовсе учили «Илиаду» наизусть. Может быть, вернуться?

- Да, гимназическое образование построено именно на этом. Есть корпус текстов, которые надо прочесть – и читай! Сегодня есть ностальгия по такому образованию – но ведь школьники всё это ненавидели! Почитайте Чуковского хотя бы. Старики же потом ностальгически вспоминали молодость – и то, что в этой молодости ненавидели. «А вот мы учили яти, а вы нет».

- Сейчас есть люди, которые свои блоги ведут в дореформенной орфографии – как вы к этому относитесь?

- Это такая приятная чудаковатость. Я с симпатией отношусь к этой манере, но не желаю, чтобы это стало законом. Мне – хоть я считаю себя образованным человеком – текст в старой орфографии читать тяжелее, чем текст, написанный в новой. Конечно, я за разнообразие текстового самовыражения. Но это именно маргинальные вещи, и мне не хочется, чтобы это стало ядром.

- То есть отношение к языковой норме – это всего лишь привычка?

- Конечно, это как у Достоевского: «ко всему-то подлец человек привыкает». Почему так боролись с

«парашутом»? Потому что привыкли к «Ю»! А заставь всех грамотных людей в стране написать «парашут» по 5 000 раз – и все привыкнут, деваться будет некуда. Вопрос – зачем это делать? Зачем нас переучивать, если мы привыкли к такому?

Привычка, в общем – это комфорт, и язык тут не исключение. Но внешний мир, меняясь, подталкивает нас к тому, что меняется и язык.

Автор: Антон Размахнин © Свободная пресса КУЛЬТУРА, МИР 👁 9380 29.03.2011, 12:08 📌 413

URL: <https://babr24.com/?ADE=92615> Bytes: 26791 / 26511 Версия для печати Скачать PDF

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Антон
Размахнин.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krsyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)